

Нет вестей

Собираясь в Камбоджу, вы будете ежедневно успокаивать родителей и друзей: нет, на минные поля я не поеду, прививки сделал, роуминг есть, страховка оплачена. Эта страна до сих не оправилась от страшного режима красных кхмеров, но и болезненного очарования французского Индокитая она тоже не потеряла. Текст: **Софья Корниенко**

Храмовый комплекс в Ангкоре – единственная мирового уровня достопримечательность Камбоджи. Чтобы спокойно осмотреть храмы Ангкор Ват, Байон, Ангкор Том и Бантей Срей, хватит трех дней: храмы расположены рассыпью, до некоторых можно добраться только на мотоцикле. Единый билет на три дня стоит \$40.

КНИЖКУ С ВОСПОМИНАНИЯМИ ДЕТЕЙ, переживших режим красных кхмеров (Анка), я приобрела у одноногого лоточника в Пномпене за четыре доллара. Это был наш первый вечер в камбоджийской столице, которая, несмотря на свою трагическую историю, не утратила французского колониального шарма. Белые иностранцы, а также камбоджийцы, бежавшие тридцать лет назад в Америку и теперь отдыхающие на исторической родине, лениво ужинали на разноцветных, украшенных к европейскому новому году лампочками террасах вдоль променада на берегу реки Меконг. За бокалом неплохого красного я выискивала в меню с картинками безопасную курицу (рыбу и моллюсков лучше не заказывать в пресноводной части страны), а в голове плотным туманом набухло слово «декаданс», от которого мне впервые в жизни стало стыдно. О том, что я не в Каннах, напоминали одноногие лоточники – лоточники в Камбодже почти все одноногие, подорвавшиеся на минах бывшие крестьянские дети, – и жирная серая крыса. Она вышла из своей норы в стене ресторана, где, судя по ее упитанности, жила давно и недурно. Appetit пропал. Не оставалось ничего иного, как заплатить свои пятнадцать долларов за ужин и бежать.

В конце концов, есть множество иных способов скоротать вечер в Пномпене. Можно отправиться на знаменитый Русский рынок перед самым закрытием и закупить невероятно дешевых перстней и подвесок с настоящими драгоценными камнями. Затем можно два часа кряду просидеть у закрывшегося на ночь Национального Музея и терпеливо ждать, когда в сумерках из-под крыши начнут вылетать, вереща, летучие мыши недавно открытой местной породы. А затем пойти в кафе Friends, расположившееся прямо рядом с музеем в помещении какого-то старого склада. В этом кафе нанимают на работу уличных подростков и учат их готовить необыкновенные закуски.

На следующее утро у выхода из гостиницы нас уже ждет водитель тук-тука Боран, с которым мы познакомились накануне. «Сначала поедем на Поля смерти, а потом – в Музей геноцида», – сообщает Боран, надевая шлем. По дороге, которой раньше не было – арестованных вели пешком, узнаю, что родители Борана были партизанами в армии сопротивления и оба выжили. Борану столько же лет, сколько и мне, – двадцать семь, т.е. он – камбоджийский бэби-бумер, родившийся в год свержения Пол Пота. Половина населения Камбоджи моложе семнад-

Фото: Алла Калининская, Софья Корниенко